

Однако в данный момент, помимо давно не виданного старого знакомого перед глазами, Се Люй вынужден был обращать больше внимания на другое.

Казалось, он лежал на кровати Мужун Чжи. Прошло более десяти лет, обстановка в покоях Мужун Чжи почти не изменилась, даже темные узоры на синей шелковой пологие у кровати и ярко-желтые кисти были точно такими же, как тогда.

А любимый клинок Мужун Чжи, режущий железо как грязь, Снежный Клинок, сейчас, видимо, лежал у него у шеи.

...

Хотя прошло уже десять лет, облик Мужун Чжи также ни капли не изменился по сравнению с памятью Се Люя.

Только помнилось, что в то время этот человек всегда носил легкую теплую улыбку, совсем не такую, как сейчас, полную ледяной свирепости.

Но это, конечно, нельзя было ставить в вину Мужун Чжи.

Се Люй прекрасно знал себя: у Мужун Чжи, естественно, были веские причины совершенно не жаловать его, предателя.

Тот факт, что его голова еще не отлетела от клинка, уже считался весьма вежливым обращением.

Просто... внезапно услышав такой злобный вопрос, Се Люй вдруг не знал, как ответить.

Потому что, согласно его изначальному плану, он должен был дойти до ворот Дворца Внимающих Снегу, постучать и попросить впустить, стражи Мужун Чжи определенно не пустили бы его, и тогда ему пришлось бы стоять на коленях у дворцовых ворот в снегу и громко просить прощения.

Должно быть, ситуация была бы точно такой же, как недавно, когда он стоял на коленях у ворот императорского дворца и кричал старому императору невиновен.

Се Люй считал, что Мужун Чжи, которого он знал, скорее всего, не был таким же черствым, как старый император.

Возможно, если бы он постоял на коленях пару дней, Мужун Чжи, видя, что Се Люю все равно остался последний вздох, смягчился бы, утешил парой слов, позволив ему успокоиться, закрыть глаза и отправиться в путь.

План был неплохой. Кто бы мог подумать, что он окажется настолько бесполезным, что не дойдя даже до дворцовых ворот, рухнет без сознания в снегу на склоне горы.

В конце концов, как его подобрали и принесли в этот Дворец Внимающих Снегу, он сам не знал.

А сейчас клинок у шеи, если он снова станет говорить Мужун Чжи, что специально пришел извиниться, как-то немного... подозрительно выглядит, будто под угрозой смерти трусит и хочет спасти свою жалкую жизнь, с выражением лица ваша светлость, будьте великодушны, пощадите невежественного младшего, мою презренную жизнь?

Ведь великий генерал Се Люй сражался на полях битв, встречался с самыми свирепыми врагами и ни перед кем не склонялся.

Уже почти умирает, неужели вся слава не устоит в последний момент?

И потому Се Люй тут же решил наглеть.

Возможно, разозлив Мужун Чжи, клинок дрогнет, и его жизнь тут же завершится, что тоже можно считать достойной смертью.

Итак, великий генерал Чжэньюань с трудом выдавил расслабленную и слегка наглую улыбку:

— А Чжи, я вернулся.

Се Люй не ожидал, насколько сильно он позже пожалеет, что начал с такой фразы.

Услышав эти слова, в глазах Мужун Чжи действительно сверкнул холодный свет, Снежный Клинок прямо направился на шею Се Люя и яростно вонзился.

Се Люй закрыл глаза, не уклонился, но ожидаемой сильной боли не почувствовал.

Снежный Клинок с силой пронзил подушку и доску кровати у его шеи. Мужун Чжи с алыми глазами выдернул любимый клинок и снова яростно ударил, но все же лишь царапнул щеку Се Люя и вонзился в доску кровати.

Повторив так несколько раз, сам хозяин Мужун запыхался, что, в свою очередь, заставило лежащего Се Люя полностью расслабиться, в душе воцарилось полное спокойствие.

Десять лет не виделись, и точность настолько ухудшилась, похоже, боевые искусства хозяина Дворца Внимающих Снегу сильно деградировали?

— Вернулся... Ха, хорошо! Сейчас ты говоришь мне, что вернулся!?

Э-э, Се Люю стало стыдно — я в принципе могу понять твоё желание разорвать меня на части и разрезать на тысячу кусков! Но, хорошая кровать, хорошее парчовое одеяло, они же тебя не обидели, зачем же так с ними?

— Не можешь больше быть великим генералом, вспомнил, что можно вернуться? Загнан в угол, узнал, что можно вернуться? Добился такого полумертвого состояния, наконец вспомнил о моем Дворце Внимающих Снегу? Говорю тебе, Се Люй, как бы ты ни умолял и ни молил о пощаде, я решительно не буду помогать тебя лечить!

— Э-э...?

Се Люй моргнул глазами.

— Значит, этот гу, яд... у тебя здесь... можно вылечить?

Погоди, почему выходит, будто мои мотивы становятся все менее чистыми?

Се Люй, приходя в этот Дворец Внимающих Снегу, искренне ни капли не думал о том, чтобы Мужун Чжи помог ему исцелиться!

Хотя он знал, что во Дворце Внимающих Снегу выращивают множество редких и драгоценных

лекарственных трав, а сам Мужун Чжи с детства хорошо разбирался в медицине, и даже во всех видах других странных искусств. Но как бы хорошо ни разбирался в лекарствах, целитель все же смертный, в конечном счете не может пойти против небесной воли.

Этот гу, яд, он уже давно обил пороги всех знаменитых врачей Поднебесной, даже Чудо-доктор среди императорских лекарей, знаменитый на весь мир, мог лишь покачать головой и вздохнуть, что уж говорить о других?

Но, подумав еще, нет-нет, можно ли считать Мужун Чжи действительно смертным?

Неужели он действительно не может пойти против небес?

В конце концов, самого Мужун Чжи и все его зловещие искусства он тоже когда-то видел.

Разве они не идут против небес?

...

— Эта болезнь великого генерала, прошу прощения, но Мужун бессилён.

Мужун Чжи убрал Снежный Клинок, усмехнулся:

— Ваше тело продержится максимум еще девять месяцев.

Черт, девять месяцев?

Се Люй склонил голову.

Я же говорил, что все твои уловки и странные методы определенно не сравнятся со столичными императорскими лекарями!

Чудо-доктор четко сказал, что если я соглашусь остаться в столице на лечение, то смогут постараться продлить мне жизнь еще на полтора года! Видно, мастерство того божественного врача как минимум вдвое выше твоего!

...

Мужун Чжи, видя, как в глазах Се Люя сверкает блеск, и тот втайне кивает головой, не зная о чем фантазирует, в общем, совсем не расстроился, услышав не могу вылечить, слегка недовольно прищурился.

— Не говоря уже о том, что великий генерал Се с моим Дворцом Внимающих Снегу уже давно не связан, даже если бы эту болезнь можно было вылечить, Мужун не стал бы вмешиваться; даже если сказать, что ваш гу, яд, уже проник в костный мозг, даже если бы пришел бессмертный даосский маг, он не смог бы вас спасти. Поэтому, генерал Се, если вы на этот раз специально пришли в Дворец Внимающих Снегу искать лечение и лекарства, хм, боюсь, Мужун может лишь разочаровать вас.

— Но, кстати говоря, как гласит пословица развязывать колокольчик должен тот, кто его завязал, генерал Се может попробовать найти того мага гу, что наложил заклинание. Возможно, если рыдая умолять на коленях, тот проявит снисхождение и откроет путь. Тот маг гу, должно быть, был мастером из земель Мяо?

— Э-э, он... уже умер.

— Умер?

— Угу, тогда я вел отряд доблестной кавалерии и более сорока дней сражался с повстанческой армией племени Хэймяо, в конце концов, преследуя с победой, ворвался в храм жрецов их секты, и увидел того человека стоящим в одиночестве в центре зала, сейчас думаю, он, должно быть, был великим жрецом Хэймяо. Я тогда первым ворвался на коне, увидел, что у него нет оружия, потому не особо остерегался, убивая его, нечаянно позволил тому бросить этого гу на мое тело, после чего... он испустил дух.

— Позже я, естественно, тоже искал жрецов племен Баймяо и Цинмяо, но они все говорили, что кроме наложившего гу никто не может снять это заклятие, не говоря уже о бесполезных столичных императорских лекарях и знахарях.

Се Люй говорил это легким тоном, почесывая голову, с лицом, будто рассказывал о чем-то постороннем, спокойным и безразличным.

— Вот как...

Мужун Чжи тонко усмехнулся:

— Тогда остается лишь винить генерала Се в собственном невезении, надеюсь, вы смиритесь и примете перемены.

Сказав это, он вдруг всей тяжестью облокотился рукавом на шею Се Люя, с холодной усмешкой пригнувшись всем телом.

Пряди длинных волос упали на подушку Се Люя, черные и холодные, словно ночь.

— Се Люй, хоть я и не могу тебя спасти, но ты же понимаешь? Последствия возвращения ко мне.

...

— Десять лет назад я отпустил тебя из дворца, ты не вернулся, как договорились. На этот раз я не могу... снова так легко отпустить тебя.

— Ты до смерти останешься в моем Дворце Внимающих Снегу!

— Я хочу своими глазами видеть, как ты не сможешь ни жить, ни умереть, и в конце концов умрешь жалкой смертью передо мной. В последующие дни, если только у тебя не найдется способа убить меня, независимо от причин или как бы ты ни умолял меня, я больше не позволю тебе ступить за пределы этого Дворца Внимающих Снегу ни на шаг!

Бледные длинные пальцы гладили щеку Се Люя.

Дюйм за дюймом, скользили по коже, которую много лет назад он всегда бережно касался.

— Твой облик... сильно изменился к худшему. Худой и изможденный, тело пустое до невероятности, если бы глаза не были немного похожи на прежние, я бы почти не осмелился тебя узнать.